О. Д. Ушакова

ПРАВИТЕЛИ РОССИИ
ЦАРИ и ИМПЕРАТОРЫ

Справочник школьника

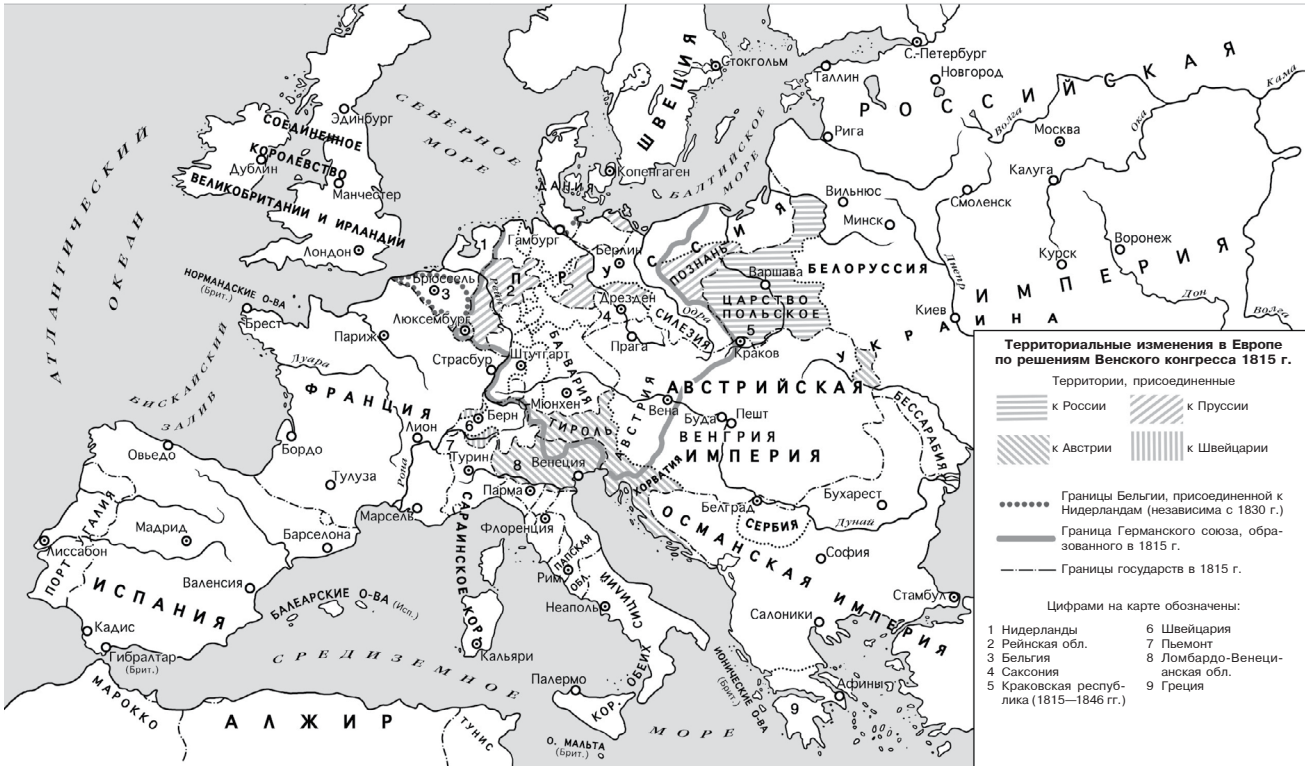
учени_____класса_____

_____школы_____

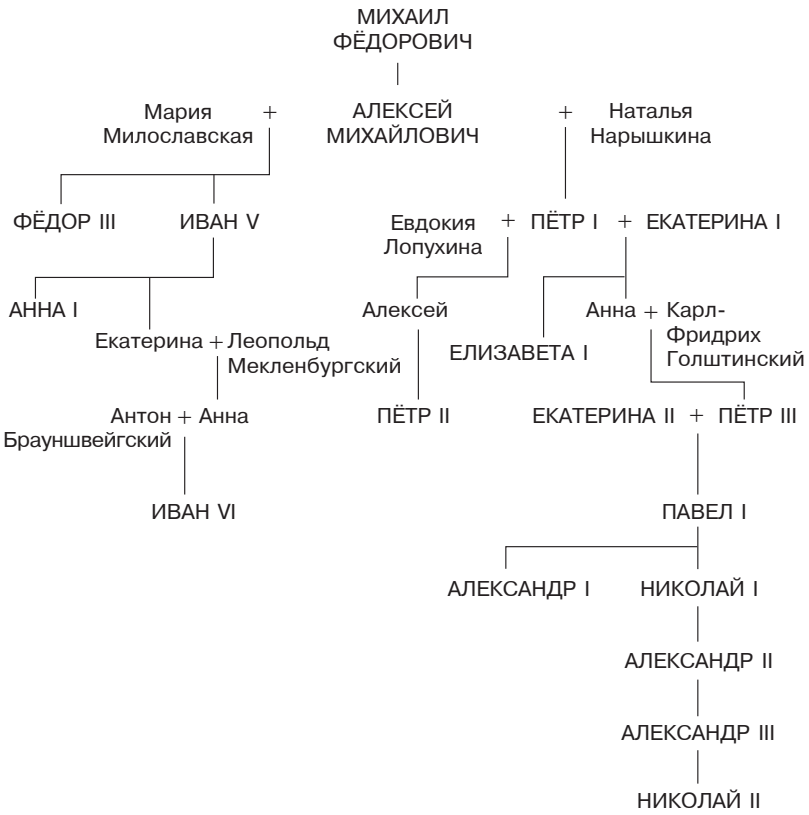
_____

_____

ЕВРОПА ПОСЛЕ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА 1815 г.

Династия Романовых

Дорогие друзья!

Перед вами книга, которую можно читать и выборочно, и подряд, ибо это последовательный рассказ об истории Российского государства в жизнеописаниях царей и императоров — от Ивана IV Грозного до Николая II; это вторая из двух книг о правителях России.

Россией наша страна стала называться при Иване III, который княжил в 1462—1505 гг. Это понятие впервые появляется в документах той эпохи, хотя окончательно оно утвердилось позднее; иностранцы называли тогда Россию Московией, а россиян — московитами.

Герб России — **двуглавый орёл**, — а также изображение всадника, поражающего змея, впервые появляются на большой государственной печати Ивана III. Изображение орла, предположительно, пришло на Русь из Византии: Иван III сочетался вторым браком с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора.

Первым **царём** в длинной череде русских правителей стал Иван IV Грозный (1547), хотя слово «царь» было известно в русском языке уже в XIII в. — так называли татарских ханов. Приняв титул царя, Иван IV таким образом показал, что он равен по знатности и могуществу правителям Орды, а значит и не обязан им подчиняться.

Первым **императором** России стал Пётр I (1721), хотя слово «император» известно по крайней мере с XVII в.: в «Космографии» 1670 г. написано, что так именовались в древности римские властители — «император, сиречь (т. е.) наставник всего света». В Петровскую эпоху это слово уже входит в обиход: в прошении сенаторов о принятии Петром титула «Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого» указывается, что римский Сенат публично приносил титул императора в дар римским правителям за их «знатные дела». Тогда же входит в употребление и слово «империя».

ИВАН IV ВАСИЛЬЕВИЧ Грозный

Из рода Московских великих князей.
Сын Василия III Ивановича
и литовской княжны Елены Васильевны Глинской.
Родился 25 августа 1530 г.
Вел. кн. Московский в 1533—1547 гг.
Царь всея Руси с 16 января 1547 г. по 18 марта 1584 г.

Рождение грозного государя было ознаменовано устрашающими громовыми ударами и ужасной непрерывной молнией. Долгожданный наследник появился на свет, когда отцу его, великому князю Василию III, было уже за 50. Все города отправили в Москву послов с поздравлениями, а счастливый отец отворил на радостях двери темниц, освободил заключённых, простил опальных и раздал много денег монастырям и простому люду. Через год родился ещё один сын.

Радовался Василий недолго: не прошло и 3 лет, как он — всегда бодрый и духом, и телом, всегда деятельный, всегда в движении — вдруг занемог. Почувствовав, что смерть близка, он объявил Ивана наследником престола под опекой матери и бояр до 15 лет; 4 декабря 1533 г. Василий скончался. Ивану было всего 3 года, когда умер отец; тогда он мало что понимал.

Настал Иван Четвёртый,
Он Третьему был внук;
Калач на царстве тёртый
И многих жён супруг.

Иван Васильич Грозный
Ему был имярек
За то, что был серьёзный,
Солидный человек.

Приёмами не сладок,
Но разумом не хром;
Такой завёл порядок,
Хоть покати шаром!

По смерти великого князя бояре поплакали, потужили — и почувствовали себя вольготно.

Поначалу власть перешла в руки **Елены Васильевны Глинской** (1533—1538), матери Ивана; к ней, как к особе ненавистного литовского рода, относились настороженно, и хотя политика её в делах внешних и внутренних была весьма благоразумной, народу Елена угодить не могла. В 1538 г. она внезапно скончалась, и подозревали, что от яда.

Ни бояре, ни народ не изъявили даже притворной горести, только маленький Иван плакал. Позднее он напишет Курбскому: «По смерти матери моей, Елены, остались мы с братом Георгием (Юрием) круглыми сиротами; подданные наши хотение своё улучииили (т. е. дождались того, чего хотели), нашли царство без правителя: об нас, государях своих, заботиться не стали, начали хлопотать только о приобретении богатства и славы, начали враждовать друг с другом. И сколько зла они наделали!»

Во главе бояр тогда встали Шуйские. **Василий Шуйский**, занимавший первое место в совете при Василии III и при Елене, считал себя чуть ли не царём Руси, но хуже всего стало, когда он умер и к власти пришёл его брат Иван. Он повелевал в Думе как деспот, а во дворце вёл себя как хозяин; никогда не стоял перед юным своим государем, садился у него в спальне, опираясь локтем о постель, клал ноги на кресло царское. Во Пскове его родич Андрей Шуйский «свирепствовал как лев», угнетая народ беззаконными налогами, потакая доносчикам и измышляя преступления там, где их не было.

Много тогда людей бежало в чужие страны, и истерзанная произволом Русь стала лёгкой добычей для внешних врагов, «жертвой и посмешищем неверных: хан Крымский давал нам законы, царь Казанский нас обманывал и грабил».

Один из летописцев пишет: «Батый протёк молнией Русскую землю, казанцы же не выходили из её пределов и лили кровь христиан как воду... Обратив монастыри в

пепел, неверные жили и спали в церквях, пили из святых сосудов, обдирали иконы для украшения жён своих серьгами и монистами... Кого не брали в плен, тем выкалывали глаза, обрезали уши, нос; отсекали руки, ноги и — что всего ужаснее — многих приводили в веру свою». Бояре в ответ на эти беззакония хвалились своим долготерпением и думали лишь о наживе, борясь между собою за власть.

Юный князь рос в атмосфере невежества и распущенности. Он видел пред собой врагов, «похитителей его прав»; никто не учил его, не объяснял обязанностей венценосца — его невежество было на руку боярам: все только забавляли юного князя шумными играми да звериной ловлей, и потакали его низменным страстям, стремясь угодить ему в любых наслаждениях.

Вместе со своими дядьями, Михаилом и Юрием Глинскими, Иван предавался буйным развлечениям: окружив себя толпой молодых людей, он скакал верхом по улицам, бил и грабил встречных, давил женщин и стариков — а бояре хвалили его за смелость и проворство!..

В голове у Ивана постоянно крутились мысли о том, как вернуть свои права и как наказать обидчиков. В 12 лет он проливал кровь бессловесных: бросал домашних животных с высокого крыльца на землю (бояре говорили: «Пусть Державный веселится!»); в 13 лет он взялся за людей. Впервые, созвав бояр, он объявил им, что, употребляя во зло его юность, они «беззаконствуют, самовольно убивают людей, грабят землю». Виновнейшего из них, князя Андрея Шуйского, Иван велел бросить псарям, и те прикончили его прямо на улице. Бояре безмолвствовали, народ изъявил удовольствие: грозный государь показал свой характер.

Следующие 3 года прошли в страхе: всех сторонников Шуйских постигла опала, одних сослали, других заключили в темницу, а одному за дерзкие речи отрезали язык.

Иван был настроен решительно. Узнав, что крымский хан готовится идти на Русь, он с многочисленной ратью выступил ему навстречу и устрашил хана одним лишь известием о том, что он идёт. Не избежал расплаты и казанский царь: нашествие россиян было столь неожиданным, что они успели убить множество людей близ Казани, обратили в пепел окрестности и взяли знатных пленников, — а царь всё никак не мог опомниться от изумления.

В 16 лет Иван изъявил желание жениться, причём не на чужеземке, а на русской, но прежде женитьбы он захотел «венчаться на царство», т. е. принять титул, который не решались принять ни отец, ни дед его. Титул царя не был простой заменой великокняжеского звания: царями тогда называли правителей Орды — приняв титул, Иван становился равным и им, и европейским императорам и королям. Таким образом он отвергал претензии татарских ханов на русские земли, что и доказал последующими казанскими походами (1547, 1549, 1552).

В январе 1547 г. состоялось царское венчание, и митрополит возложил на голову юноши царский венец, а в феврале Иван женился на Анастасии Захарьиной, дочери умершего окольничего, которая пленила его исключительными личными достоинствами. Современники приписывали ей все женские добродетели, не говоря уже о красоте. Любовь смягчила буйный нрав Ивана — июньский пожар и мятеж черни его преобразили.

Никогда ещё огонь не свирепствовал в Москве с такой силой, как в 1547 г. Самый страшный пожар случился 24 июня — вся Москва представляла собой огромный костёр под тучами дыма: «Нельзя было ни описать, ни вообразить сего бедствия. Люди с опалёнными волосами, с чёрными лицами, бродили как тени среди ужасов обширного пепелища; искали детей, родителей, остатков имения; не находили, и выли как дикие звери».

Неприятели Глинских во главе со Скопиным-Шуйским составили заговор, сделав своим орудием озлобленный несчастьем народ. Они пустили слух, что Москва сгорела от злодейского волшебства: мать Глинских вынимала сердца из мёртвых, клала в воду и кропила этой водой улицы. Вспыхнул мятеж. Юрия Глинского чернь растерзала прямо в Успенском соборе, а за остальными Глинскими толпа явилась к царскому дворцу в Воробьёве.

Иван был потрясён. Толпу удалось разогнать, но Глинские с того времени потеряли своё влияние на царя. На смену им пришли священник Сильвестр и царский ложничий Алексей Адашев; они появились сразу после мятежа, и Сильвестр страстными речами — об ужасной жизни в стране, о пороках царя как причине всех несчастий, о каре Божьей за грехи — произвёл переворот в душе Ивана: «Вошёл страх в душу мою и трепет в кости мои, смирился дух мой, умилился я и познал свои согрешения...».

Натура нервная и впечатлительная, Иван легко поддавался чужому влиянию, и, пристыжённый Сильвестром, он с жаром принялся наводить в стране порядок. В то время наружность у него была внушительная: «велик ростом, строен; имел высокие плечи, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный ус, нос римский, глаза небольшие, серые, но светлые, проницательные, исполненные огня». Иван приблизил к себе некоторых энергичных бояр и незнатных дворян: кружок этот назывался Избранной радой, и входили в него Сильвестр, Адашев, князья Курбский, Воротынский, Одоевский, Серебряный и др.; вместе с ними Иван занимался решением государственных вопросов и проведением важных реформ.

В **1550 г.** был созван 1-й Земский собор, на котором обсуждалась перестройка местного управления; в результате принятых мер местные общины освободились от опеки бояр-наместников, должны были сами собирать подати и творить суд.

На следующий год был созван большой церковный собор — Стоглавый (по числу принятых глав постановлений) — для устройства церковного управления; на нём был утверждён и новый Судебник — исправленная версия старого.

1552 г. стал звёздным часом всего Иванова царствования: в этот год он совершил третий и последний казанский поход, в результате которого одно из татарских царств наконец пало.

Страна ликовала... Последующие 30 лет Иванова правления стёрли из памяти народа все его славные деяния.

С каждым годом в нём росла подозрительность. Переболев горячкой (1553), он стал сомневаться в своих силах и видел во всех лишь врагов, заговорщиков, которые пользовались им в своих — корыстных — целях. Он всё больше отдалялся от своего окружения, никому не доверяя и везде находя измену.

Тем временем продолжались триумфальные походы московского войска: пало Астраханское ханство (1556), и вся его территория с поволжскими степями присоединилась к России; в январе 1558 г. началась война с Ливонией, и успех её превзошёл все ожидания — уже к осени в русское подданство перешло более 20 городов, — однако дела внутренние держали Ивана в вечном страхе.

Как-то он спросил Вассиана Топоркова — этот коломенский епископ был любимцем его отца, а при Грозном стал узником: «Как я должен царствовать, чтоб держать вельмож своих в послушании?» Тот прошептал ему на ухо: «Если хочешь быть самодержцем, не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя...»

Первыми поплатились за свой ум Сильвестр и Адашев. Попрёки их давно уже раздражали царя: «заподозренные» в отравлении царицы (она умерла от болезни в 1560 г.) и в чародействе, они отправились в ссылку, но оставались ещё «друзья их, мысли и правила».

Начал Иван с мыслей и правил. Всё, что прежде считалось достоинством, стало считаться слабостью. Зачем печалиться